

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

УБИЙСТВО В ПРАЖСКОМ ЭКСПРЕССЕ

Иван Иванович Любенко
Убийство в
Пражском экспрессе
Серия «Клим Ардашев», книга 15

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65304358
Убийство в Пражском экспрессе: Иван Любенко;

Аннотация

1919 год. В Пражском экспрессе обнаружены два трупа. На следующий день частного детектива Ардашева просят взяться за поиски пропавшей жены. Обычное на первый взгляд расследование превращается в каскад опасных приключений и сложных криминалистических исследований. Ему предстоит не только раскрыть тайну «Лауры без головы», но и отыскать связь между взрывами, сотрясающими Прагу, ограблением банка, артефактом времён Екатерины II, масонами и самоубийством русского авиатора. Противник рядом. Он изобретателен и опасен. Удастся ли выйти победителем? И какую цену за это придётся заплатить?

Содержание

Пролог. Тридцать часов	5
I	6
II	11
III	18
Глава 1. Белая хризантема	19
Глава 2. Паук	32
Глава 3. Визитёр	38
Глава 4. Загадка	45
Глава 5. Тайное собрание	51
Глава 6. Фляжка с «Амаретто»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иван Любенко
Убийство в
Пражском экспрессе

*Выражаю искреннюю благодарность Игорю
Лапинскому.*

Пролог. Тридцать часов

10 сентября 1919 г.,

Приазовская степь.

I

Горизонт перевернулся, и аэроплан, почти став на крыло, рухнул вниз, точно подбитый. Двигатель замолчал, но за двести метров до земли мотор «Клерже» в сто тридцать лошадиных сил ожил и застрекотал всеми своими девятью цилиндрами. Штабс-капитан потянул на себя ручку, не дав машине окончательно спикировать. Красный «Ньюпор» этого не ожидал и, оказавшись напротив солнца, ослеп. А в это время «Виккерс», взмыв вверх, зашёл в хвост большевистскому авиатору и длинной очередью прошил деревянное тело врага. В воздух полетели обломки киля, стабилизатора руля высоты, управления и элерона.

– Восьмой краснозадый, – усмехнулся штабс-капитан Ильин и совершил разворот, чтобы встретиться с ещё одним приближающимся противником. Альтиметр показывал высоту почти в две тысячи метров. Ильин сделал стремительный выпад вправо, точно фехтуя шпагой, и выпустил две коротких очереди. Пули насквозь прорезали фанерное самолётное брюхо. Большевистский «Ньюпор» перешёл на отрицательный угол и свалился в штопор.

– Девятый, – выговорил вслух офицер и осмотрелся по сторонам. Слева, уносил ноги красный разведчик на «Сопвич-259». Гнаться за ним было опасно, поскольку до линии фронта оставалось меньше пяти километров, и можно бы-

ло легко угодить под огонь вражеской артиллерии. Но азарт боя захватил офицера, он не сдержался – устремился в погоню. И в момент, когда цель уже была на прицеле, послышались взрывы. Истребитель трясло, снаряды разрывались всё ближе, и один из осколков угодил в крыло. Повезло. Ильин дал две очереди в хвост противника, как вдруг заклинило пулемёт. Так бывает, если перед набивкой ленты не промыть патроны бензином, не вытереть насухо хоть один из них – именно он и вызовет перекося и задержку в стрельбе. Но пронесло. Очереди попали в цель ещё до перекося, и «Ньюпор», клюнув носом, будто раненная птица, стал падать.

– Десятый. Пора домой, – прошептал офицер и пошёл на разворот. Пот струился из подшлемника и застилал глаза. Неожиданно раздался глухой удар и пропеллер остановился. Мотор «Клерже» замолчал. «Виккерс» летел по инерции, и в расчалках¹ свистел ветер. Ильин осмотрелся: судя по всему, осколок задел правую стойку, разбил козырёк кабины, а оторвавшаяся тяга мотора срезала часть капота и повредила двигатель. Высота уменьшилась до полутора тысяч, а до аэродрома ещё около десяти километров. Надо было бороться за каждый метр высоты и постараться дотянуть до своих. Слава Богу, помогал ветер, и «англичанин» скользил по воздуху, точно бумажный змей.

¹ Расчалка – тонкий трос, стальная проволока, оттянутая в каком-либо направлении для соединения частей конструкции в определённом положении. В авиации расчалки применяются для придания жёсткости крылу, ферме (прим. автора).

На счастье, завиднелось лётное поле, и истребитель, совершенно обессиленный, неуклюже коснулся своими шасси земли. Пробежав несколько сот метров, аэроплан замер.

Лётчик выбрался из кабины. К нему бежал моторист. Он держал бутылку коньяка и чайный стакан. Унтер-офицер вынул пробку и сказал:

– «Шустовский», настоящий, специально для вас, ваше благородие.

– Эх, подведёшь ты меня, Семёныч, под скандал. Знаешь ведь, что на лётном поле это строго-настрого запрещено, – вымолвил Ильин, снимая коричневый шлем с чёрным двуглавым орлом на околыше и кокардой над ним.

– Так это же случай – исключительный. На мёртвом моторе сели. Что с ним?

– Тягу оторвало, и она угодила в двигатель.

– Эх, вот незадача! Небось, уже и душу Господу отдать собирались? Так я наливаю?

– Ладно.

Штабс-капитан махнул рукой, взял стакан и осушил его несколькими большими глотками, будто это был не коньяк, а сухое красное «Мукузани».

– Скольких супостатов подбили, ваше благородие?

– Три. Два «Ньюпора» и один разведочный «Сопвич». На счёт «Ньюпоров» – не сомневаюсь, придёт подтверждение от наших кавалеристов, а вот за «Сопвич» ручаться не могу – на их территории упал.

– Стало быть, всего тридцать пять! Ого!

– Ты не ровняй германцев и красных, – усмехнулся Ильин.

Как известно, немецкий рекордсмен – Манфред фон Рихтгоферн – имел на счету восемьдесят один аэроплан. А француз Гюннемер дошел до цифры сорок один. Так что, пока я третий. Утешает только то, что немец погиб в бою год назад, а Гюннемеру больше и сбивать-то некого. Для французов война закончилась, а у нас – в самом разгаре. Одно меня смущает: статистика упрямо твердит, что фронтовой лётчик-истребитель живёт в воздухе, в среднем тридцать часов, а потом, как бы это ни было печально, погибает. А я вот что-то задержался на этом свете...

– Ничего-ничего, послужим ещё России-матушке. И всё же я второй стакан налью?..

– Постой. Автомобиль, не к нам ли мчится?

– Похоже.

– Тогда коньяк отменяется.

– Временно.

– Надеюсь. И убери бутылку.

– Слушаюсь. Я пошёл обратно.

– Давай.

Прямо по взлётному полю, мимо «колдуна» – ветрового указателя на длинном шесте, напоминавшего то ли раздутый чулок, то ли «колбасу», – неся «Рено». За рулём сидел всего один человек. Он был в шофёрском облачении. Автомобиль остановился прямо перед «Виккерсом». Водитель не стал за-

глушать мотор. Из машины вышел офицер. Он снял куртку, и на погонах блеснули три звезды.

– Уж не по мою ли душу?

– Так точно, господин штабс-капитан. Велено вас срочно доставить в Ставку Главнокомандующего.

– За что такая честь?

– Узнаете на месте. Одно скажу – для вас это будет хорошей новостью. Прошу в автомобиль.

– Вот же незадача, а я уже и коньячка хлебнул, – смутился Ильин. – Моторист угостил по случаю: двигатель отказал, пришлось планировать. Едва дотянул... Только генерал на это вряд ли обратит внимание. Распитие спиртных напитков на лётном поле – разжалование в рядовые.

– Не беспокойтесь, за час выветрится, – улыбнулся поручик. – До Таганрога раньше нам никак не добраться.

– Пожалуй, да. Погодка сегодня исключительная. Бабье лето наступило. Но мы всё равно должны заехать в расположение части. Надобно привести себя в порядок. Это займёт не более десяти минут.

– Безусловно.

– Тогда по кóням!

Офицеры сели в автомобиль, и он покатил прямо к хуторским хатам – месту дислокации четвёртого Добровольческого авиаотряда.

II

Отмахав почти восемьдесят вёрст по степи, жёлто-оливковый «Рено» въехал в Таганрог.

Город, основанный ещё Петром I, выглядел так, словно и не было никакой войны. Работали кафе и кондитерские, а на Петровской открылось кабаре. В деревянном здании яхт-клуба снова играли на бильярде, и в гавани на воде заработал ресторан. На углу Петровской улицы и Дебальцевского переулка красовалась вывеска банка «Демокредит» – синими буквами по белому фону. Чуть дальше – «Азово-Донской» и «Земельный» банки. Вывески сверкали яркой, почти золотой, рекламой: «Гастрономический магазин Дурукова», «Мануфактурный магазин Гузелова», «Т.А. Ильенко», «М.О. Куланов и К.», «Бр. Камбуровы»... По городским аллеям неторопливо прогуливались нарядные дамы в сопровождении офицеров или статских. Летняя жара уже спала, и теперь даже в полдень местные обыватели с интересом глядели на театральные тумбы с афишами спектаклей и названиями заморских фильм.

А ведь еще полтора года тому назад горожане цепенели от ужаса большевистских бесчинств. Город содрогнулся, узнав, что в коксовой печи Metallургического завода красные сожгли пятьдесят живых офицеров и юнкеров, связанных по рукам и ногам. Известия о пытках пленных офицеров под-

твердились, когда родственники отыскиали их обезображенные трупы. Но и мёртвые тела не давали большевикам покоя: их не разрешали хоронить, а выбрасывали в степь на съедение диким собакам и воронам. Но и этого красным показалось мало. Жители подвергались обыскам и арестам. Зажиточных горожан арестовывали с целью выкупа. Новая «народная» власть поступала по-бандитски. Да это было и неудивительно, потому что её возглавили самые настоящие уголовники. В «Акте расследования по делу о злодеяниях, учинённых большевиками в городе Таганроге за время с 20 января по 17 апреля 1918 года», составленном судебными следователями, в частности, говорилось: «Главными носителями власти и проводниками большевистской политики в г. Таганроге за кратковременное владычество там большевиков, длившееся с 20 января по 17 апреля 1918 года, явились люди, не только не соответствующие по своему нравственному и умственному уровню занимаемым ими должностям, но зачастую и с уголовным прошлым: так, военным комиссаром города и округа был Иван Родионов, отбывший наказание за грабеж; помощником его – Роман Гончаров, также осужденный за грабеж; комиссаром по морским делам – Кануников, бывший повар-матрос, отбывший каторгу за убийство; начальником контрразведывательного отделения Иван Верстак, зарегистрированный с 16-летнего возраста вор; начальником всех красноармейцев города, заведующий нарядами на производство обысков и расстрелов, – Игнат Сиги-

да, осужденный за грабеж, и, наконец, начальником пулеметной команды бронированного поезда, а затем председателем контрольной комиссии по перевозке ценностей из Ростова-на-Дону в Царицын – мещанин гор. Таганрога Иван Диходелов, по кличке Пузырь, судившийся и отбывший наказание за грабеж».

В конце апреля красные, узнав о приближении германской армии, в панике оставили город.

Первого мая Таганрог заняли германцы. Новые оккупанты до самого сентября занимались настоящим грабежом. В Германию отправляли все, что можно было вывезти: эшелоны угля, зерно, мясо, кожу, части машин и многое другое. Так продолжалось до того момента, пока в Германии не разразилась революция. В сентябре немцы ушли.

И потому сегодня трудно было поверить в наступившую, такую тихую и мирную реальность – с неторопливыми обывателями, неспешными экипажами и юркими, квакающими клаксонами, автомобилями. Если бы не множество военных, в том числе и иностранных (в Таганроге находились миссии правительств Франции, США, Японии, Англии и Румынии), то жизнь могла бы показаться безмятежной и спокойной, почти как во времена, когда в Александровской мужской гимназии Антону Чехову преподавал математику Эдмунд Иосифович Дзержинский (отец нынешнего Председателя ВЧК), награждённый за усердную службу орденом Святой Анны III степени. Кстати, имя великого русского писателя в Таганро-

ге носила не только одна из самых длинных улиц города, но и библиотека, и дом, не так давно ставший городским музеем.

Автомобиль немного трясло на мостовой, выложенной греческой брусчаткой. Но ни штабс-капитану Ильину, ни поручику не было ведомо, что ещё с тех времён, когда Екатерина II разрешила грекам, спасавшимся от турецкого гнёта, свободно селиться в здешних местах, потомки Гомера развили бурную торговлю. Из Таганрога в Грецию на фелюгах и барках они везли российский товар, а обратно шли почти пустыми. Для того чтобы суда были в море устойчивыми, приходилось нагружать трюмы балластом – простым камнем. По приходу в порт его сбрасывали у самого берега. Позже, когда камня стало много, им стали мостить городские улицы. Это позволяло местным грекам с полным правом говорить, что они ходят по камням родной Эллады. Надо сказать, что дом под № 50, в котором располагалась Ставка Вооружённых Сил Юга России (ВСЮР), так же стоял на улице, именовавшейся Греческой.

Шофёр остановил автомобиль, примерно, метрах в ста пятидесяти, не доезжая до здания Ставки, поскольку в сей части улицы, во избежание диверсий большевиков, была запрещена не только всякая езда, но и проход. За этим строго наблюдали часовые, стоящие на перекрёстках по обеим сторонам дороги. Пешее следование разрешалось исключительно по спецпропускам. Причём, в них указывалось, сколько человек может следовать с уполномоченным лицом. Поручик,

доставивший Ильина, имел право на сопровождение одного человека.

У центрального подъезда Ставки по обе стороны от двери, лицом друг к другу, на двух красных квадратных ковриках дежурили два офицера в парадных мундирах и с шашками наголо.

Внутри поручик и Ильин вновь подверглись проверке, и лишь потом их провели по длинному коридору в комнату с высоким потолком с лепниной и хрустальной люстрой. В ней уже находилось три офицера. Это были авиаторы, знакомые Ильину ещё с войны. Поручик стал у стены. Через минуту перед собравшимися появился высокий, стройный военный с роскошными усами. Позади него, точно тень, следовал штабс-капитан.

– Господа, позвольте представиться: начальник контрразведки Добровольческой армии – полковник Фаворский. Всё о чём мы с вами сейчас будем говорить, представляет собой государственную тайну. Я не обмолвился – именно «государственную». Вне всякого сомнения, большевики будут разбиты, и мы создадим новое свободное российское государство. Но пока идёт война. И, чтобы одержать в ней победу, нашей армии понадобится сильный воздушный флот, оснащённый новейшими истребителями, разведочными аэропланами и бомбовозами. Только грош цена любому аэроплану, пусть даже самой последней конструкции, если им управляет плохо подготовленный авиатор. В этой комнате собрались луч-

шие из лучших. И поэтому вам придётся приступить к формированию русской лётной школы, и именно вы будете обучать мастерству будущих пилотов. Практически придётся начать с чистого листа. Сложность заключается в том, что эта авиационная школа будет располагаться в Европе, а точнее – в Хебе. Её состав будет формироваться из числа русских офицеров, которые до сих пор, попав в плен, остаются на территории бывшей Австро-Венгрии, а сейчас – Чехословакии. Начальником школы назначается капитан Ильин.

Штабс-капитан поднялся.

– Сидите-сидите, капитан, – полковник махнул рукой, – я не оговорился. Приказом главнокомандующего Вооружённых Сил Юга России сегодня вам досрочно присвоено следующее воинское звание – капитан. Мне кажется, оно, как нельзя лучше подойдёт к ранее полученному ордену Святого Георгия и золотому Георгиевскому оружию. Жаль только, что новые погоны не скоро появятся на вашем кителе. Ближайший год вам придётся провести в статской одежде. Кстати, господа офицеры, у вас есть время, чтобы выбрать себе сорочки, костюмы, шляпы и плащи в магазинах города. Не волнуйтесь, вас обеспечат документами и деньгами. Через четыре часа вы отплываете на французском судне в Константинополь. Ещё раз повторяю: ваша миссия тайная и потому опасная. Прошу о ней не распространяться. С этой минуты вы находитесь во власти моего помощника – штабс-капитана Ветлугина. Он сообщит все детали, будет сопровождать вас

до места назначения и обеспечит вашу безопасность уже в Чехословакии. Да, и не забудьте о своих семьях. Они поедут с вами. За ними прямо сейчас мы отправим автомобили. А моя миссия на этом окончена. Честь имею, господа!

III

Мореходная канонерская лодка военно-морских сил Франции «Illigia» покидала таганрогскую бухту и взяла курс на Константинополь. Штабс-капитаны Ветлугин, Агеев и Багровников с супругой, поручик Бараевский, капитан Ильин с женой и сыном стояли на палубе до тех пор, пока темнота и расстояние не скрыли город. Лишь свет таганрогского маяка не хотел сдаваться и до последнего пытался победить мрак.

Глава 1. Белая хризантема

Vitae summa brevis spem nos vetat incohare longam
(Скоротечность жизни не позволяет нам далеко
простирать надежду).
К. Гораций, «Оды».

Четвёртого ноября 1919 года, в восемь тридцать утра, в арке четырёхэтажного дома № 3/142 на Малой площади (Malé náměstí) с вывеской «Detektivní kancelář «1777»², появился человек с бритым лицом, в шляпе и тёмном пальто. Выкидывая вперёд трость, он дошёл до ближайшего киоска и купил несколько газет.

Не обращая внимания на прохожих, на осеннее солнце, играющее слабыми лучами в витринах пражских магазинов, господин с уже заметно тронутыми сединой висками вынул из кармана коробочку монпансье, положил под язык леденец, уселся на лавочку и развернул в газету. Утреннюю прессу он читал ежедневно.

Уже перешагнувший почти два года назад пятидесятилетний рубеж, бывший чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел, присяжный поверенный Ставропольского Окружного суда, коллежский, а потом и стат-

² «Detektivní kancelář «1777» – (чешск.) Детективное (сыскное) агентство «1777» (прим. авт.).

ский советник, начальник Бюро контрразведки МИДа России Клим Пантелеевич Ардашев покинул Россию ещё в прошлом году. Ему предстояло выполнить задание начальника штаба Добровольческой армии – восстановить агентурную сеть, созданную им как раз перед большевистским переворотом 25 октября (7 ноября) 1917 года. Прибыв из Новороссийска в Константинополь вместе с супругой, Климу Пантелеевичу пришлось обосноваться в Праге, ставшей столицей Чехословацкой республики и провозгласившей независимость совсем недавно, – 14-го октября 1918 года.

Если бы летавшие над Малой площадью голуби, были бы обучены грамоте, то они бы увидели, что сей господин интересуется новостями из России – далёкой и малопонятной для многих страны, горящей в пламени гражданской войны. Вести оттуда, и впрямь, вызывали беспокойство.

Ещё с конца апреля Восточный фронт стал проседать, и 1 ноября большевики заняли Омск.

На севере английский экспедиционный корпус под командованием Аронсайда эвакуировался в конце сентября, оставив генерала Миллера сражаться с красными один на один. Но, несмотря на это, ему удалось перейти в наступление на Вологду, достичь успехов в долине Онеги и закрепиться на линии Северной железной дороги, в районе станции Плесецкой.

Северо-западная армия генерала Юденича, после недавнего наступления, выдохлась и к первому ноября откатилась

до реки Наровы (Нарвы).

На южном фронте Добровольческая армия оставила Орёл и Ливны. В результате упорных боёв, неся большие потери, войска отступили на линию Конотоп – Глухов – Дмитриев – Косторная.

На Донском фронте части Добровольческой армии отошли за Дон и Хопёр, удерживаясь на линии Лиски – Урюпино.

К концу октября на западном направлении войска генерала Драгомирова оставили Чернигов.

Да и в тылу у Белой Армии обстановка складывалась не лучшим образом. Многотысячная повстанческая армия Махно, пройдя на конных повозках за одиннадцать дней шестьсот верст, овладела территорией между Нижним Днепром и Азовским морем. Мелитополь, Бердянск и Мариуполь были заняты повстанцами.

Далее в новостях рассказывалось о частном визите недавнего премьер-министра Чехословацкой республики Карела Крамаржа в Россию. Уйдя в отставку, председатель правительства и глава национал-демократической партии Чехословакии решил предпринять частный визит в ставку генерала Деникина. «Вместе с русским послом во Франции Маклаковым и в составе французской военной миссии генерала Манжена, через Париж, Марсель и Тулон, ему удалось добраться до Константинополя на борту крейсера «Прованс». И уже оттуда, на военном корабле «Вольтер» – до Керчи. За-

тем, – как сообщала газета, – пересев на маломерное судно “Ла-Скарн”, бывший чехословацкий премьер прибыл в Таганрог, где и встретился с Главнокомандующим. После чего Крамарж посетил Новочеркасск, Екатеринодар и Крым. На всех приёмах и собраниях он выступал от имени всего чехословацкого народа с яркими антибольшевистскими речами. По возвращении на родину Карел Крамарж пообещал оказать финансовую помощь всем силам, ведущим борьбу с коммунистическим террором».

«Вот и прекрасно. Всё идёт по плану», – подумал Клим Пантелеевич и отложил газету. По его лицу пробежала едва заметная улыбка. На редкость тёплое солнце, и доносящийся откуда-то женский смех, и мерный стук экипажей, спешащих по старым пражским улицам, – всё настраивало на спокойное и благодушное восприятие окружающего мира.

Конечно же, Прагу Ардашев выбрал не случайно. Город, находящийся в центре Европы, позволял с лёгкостью организовывать встречи с агентурой.

Второй причиной было и то, что в Хебе, находящемся в трёх часах езды на поезде от Праги, открыли школу военных авиаторов, сформированную из пленных русских офицеров, оказавшихся на территории бывшей Австро-Венгрии. Отучившись, вчерашние курсанты должны будут отправиться в Россию сражаться с большевиками, и Клим Пантелеевич негласно обеспечивал безопасность лётной школы через штабс-капитана военной разведки Ветлугина. По вторникам

он встречался с ним в вокзальном кафе.

Третьим немаловажным обстоятельством выбора Праги являлось личное знакомство Ардашева с упомянутым в газетах недавним премьер-министром республики Карелом Крамаржем (несмотря на отставку, он пользовался авторитетом как среди населения, так и правящей элиты). Именно его личное участие помогло Климу Пантелеевичу не только получить вид на жительство в Чехословакии, но и открыть сыскное агентство. Правда, для этого пришлось принять на работу помощника. Им стал только что вышедший в отставку тридцатипятилетний агент пражской полиции Вацлав Войта. Собственно, Войта и подавал прошение на открытие агентства, а бывший присяжный поверенный Ставропольского Окружного суда числился его подчинённым, хотя, на самом деле, всё было наоборот.

Новый соратник Ардашева не только души не чаял в своём начальнике, называя его «патроном» и «шефом», но и обладал целым рядом несомненных достоинств: был внимателен к деталям, прекрасно вёл слежку и умел артистично перевоплощаться. Жаль только, что Войта, как и многие полицейские, с трудом анализировал собранные доказательства, да и отбрасывать второстепенные, малозначимые версии не торопился. Именно из-за этого он зачастую и не мог предвидеть возможные шаги преступника, прекрасно идя по следу, но, то и дело, запаздывая. Устав от многочисленных выговоров и нареканий от начальства он решил покинуть сыскное

отделение. Надо же было так случиться, что в день, когда Войта подал рапорт об отставке, в участок заглянул Ардашев. Климю Пантелеевичу отчего-то понравился этот вполне безобидный на вид чех, и он пригласил его на разговор. На счастье, оказалось, что рожденный от брака русской дворянки и чешского коммерсанта местный сыщик владел языком Пушкина, как родным. К тому же он был прост в общении, чем сразу же расположил к себе супругу Ардашева – Веронику Альбертовну. Внешности же господин Войта был самой обыкновенной: среднего роста, слегка полноватый, но подвижный, с заметной лысиной и густыми усами. В его глазах, часто бегающих, читалось простодушие и открытость. И потому окружающим он виделся таким «рубахой-парнем». Войта умело использовал обманчивое впечатление и, в случае надобности, вызывал людей на откровенность. Некоторых, поверивших его чистому и открытому взгляду, она приводила к длинным срокам в Пльзенской тюрьме – самой суровой в Чехословакии.

Вторым новым и близким для четы Ардашевых человеком стала Мария Сергеевна Калашникова – горничная, русская эмигрантка тридцати двух лет, оставшаяся в Праге без средств после скоропостижной кончины её мужа, бывшего столичного чиновника. Высокая, стройная брюнетка была немногословна и отличалась аккуратностью. В её обязанности входило получение и отправление корреспонденции, встречи и проводы клиентов. Ей приходилось печатать на

«Ундервуде» и отвечать на телефонные звонки. Ещё она прекрасно варила кофе по рецептам Ардашева. Вероника Альбертовна встретила Марию случайно в продуктовой лавке. Марии тогда не хватило денег, чтобы расплатиться за хлебный батон, и Вероника Альбертовна, узнав, что она безработная, привела её к Климу Пантелеевичу, который в тот момент искал секретаря.

Бывший руководитель политической разведки России снял квартиру на втором этаже вышеупомянутого дома, как раз над только что открывшимся собственным сыскным агентством «1777». И потому, чтобы попасть на работу следовало просто спуститься вниз по лестнице. Кстати, цифра «1777» была выбрана Ардашевым не случайно. Она напоминала ему о России. 1777 год – дата основания Ставрополя, – родины Клима Пантелеевича.

Детективное агентство служило не только прикрытием разведывательной деятельности, но и давало возможность зарабатывать. Получить лицензию адвоката человеку, имевшему лишь разрешение на жительство, в Чехословакии было невозможно.

Сам дом № 3/142, построенный в стиле неоренессанса, имел невероятно интересную историю. Её поведал Ардашеву всё тот же Вацлав Войта, считавший себя – и не без оснований – местным краеведом. «Не будь я сыщиком, я бы стал экскурсоводом. В Праге я знаю не только каждый переулок и проходной двор, но и, связанные с ними, истории, – гова-

ривал недавний полицейский и, вздохнув, добавлял, – большей частью криминальные». Здание, в котором располагалось детективное агентство, было известно жителям Праги, как дом «У Ротта». По словам Вацлава, на том самом месте уже в XIII веке стояло здание, построенное римлянами. Позже, именно в нём, и была напечатана первая библия на чешском языке. Изображение дома даже попало на старинные гравюры, повествующие о коронационном шествии Марии Терезии в далёком 1743 году. Как только это архитектурное сооружение не называли! И «Питликовский», и «У Волка», и «У Трёх снопов»... Были и иные названия, но канули в лету. Потом, когда в доме поселились три сестры, на нём появился знак из трёх лилий.

Старая легенда гласила, что сёстры, несмотря на юный возраст, были девушками заносчивыми и своенравными. Друг с другом не ладили и потому жили на разных этажах, и, стараясь, лишней раз не видеться, пользовались отдельными лестницами. Объединяло их то, что каждая из них мечтала выйти замуж. И однажды повезло всем троим. Каждая встретила своего возлюбленного. Но все женихи оказались иностранцами. Сёстры бросили дом и уехали. Только вот незадача – за ними ухаживал один и тот же авантюрист-мошенник, который, пользуясь их отсутствием, завладел домом. Несчастные девушки остались прозябать на чужбине, а все их богатства достались ловкому пройдохе. Скептический склад ума Ардашева сразу же отметил несколько нестыковок

в рассказе Войты, но Клим Пантелеевич терпеливо дослушал длинную историю до конца.

Позднее, уже в 1885 году, дом стал принадлежать Винсенту Иозефу Ротту и его супруге Марии, имевшим на первом этаже скобяную лавку. Торговля шла настолько успешно, что семья приобрела и соседнее строение. А потом оба дома объединили. Над внешним видом архитектурного ансамбля корпел известный в те времена зодчий Рехсцигель. Он-то и выполнил сооружение в три этажа. Сын Роттов – Ладислав – решил придать фасаду новый облик. По его желанию художники выполнили роспись, органично связанную со скобяными товарами. Между окнами возникли фигуры плотника, кузнеца, крестьянина, садовницы и жницы. Растительные мотивы представлены чертополохом и розами. Люнеты украшены разнообразными орудиями труда. Этажи разделила надпись «V. J. Rott» и молитва «Не дай погибнуть нам или нашим потомкам, святой Вацлав».

Надо сказать, что Прага пришлась Веронике Альбертовне по душе, но – удивительное дело! – она скучала по Ставрополю. А ведь ещё несколько лет назад, как она только не называла тихий купеческий город! Помнится, был он и «дырой», и «болотом», и «захудалой пыльной провинцией». А теперь, в снах, нет-нет, да и всплывали в памяти, точно кадры синематографа, родные и привычные места: пассаж братьев Меснянкиных, дорогие магазины Театральной и Александровской улиц, аптека доктора Байгера и Казанский Ка-

федеральный Собор. Но более всего душу рвали воспоминания о доме под № 38, что стоял на главной артерии города – Николаевском проспекте. Как там сейчас? Цела ли беседка? Не вырублен ли сад?.. Душу щемила тоска по оставленным на попечение горничной домашним питомцам – Малышу и Лео. Живы ли они?

Примерно такие же мысли, но отягощённые чтением сводок с фронтов гражданской войны в России, и одолевали в данный момент Клим Паптелеевича Ардашева, дворянина, бывшего чиновника по особым поручениям МИДа России, бывшего присяжного поверенного Ставропольского Окружного суда, бывшего... Он отложил газету, задумался на мгновение и щёлкнул крышкой золотого Мозера. До встречи со штабс-капитаном оставалось совсем немного времени, и стоило поторопиться, чтобы попасть к назначенному часу на вокзал. Только спешить Ардашев не любил и потому, наверное, никогда не опаздывал.

Свободный фиакр стоял рядом, и одноконный экипаж неторопливо, но уверенно побежал по старым улочкам древнего города.

Дорога до железнодорожной пристани Праги заняла ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы во рту растаял французский леденец «берлинго». Любимые монпансье российской фабрики «Георга Ландрина» в Праге достать было не просто. Местные конфетки «гашлерки», названные так в честь известного чешского барда Карела

Гашлера, Ардашеву не нравились. Они хоть и отличались самобытным освежающим вкусом, но из-за преобладания лакрицы напоминали известное с детства лекарство, ведь корень солодки издавна использовался для приготовления сиропа от кашля. Другое дело – французские «берлинго». Эти маленькие прозрачные леденцы, разных цветов и форм, были нейтральными и неплохо заменяли привычный ландрин. Несколько раз бывшему присяжному поверенному повезло, и в «Русском магазине» Гладика на Вацлав, «15» ему повезло купить не только настоящий ландрин, но и его русского конкурента «Сан-Пьеро» в картонном цилиндре. Словом, в привычных коробочках «Георга Ландрин» Ардашев теперь держал не только настоящий ландрин, но и другие виды монпансье.

Пражский вокзал (Hlavní Nádraží) – грандиозное сооружение, вероятно, самое большое в Европе, находящееся рядом с Вацловской площадью -, представлял собой целый комплекс зданий, соединённых в один ансамбль. В глаза бросалось арочное перекрытие над перроном. Оно казалось огромным, будто созданным для гигантских межпланетных поездов будущего.

Прямо перед входом остановился «Рено» с номером «КА-0067», и из него выбрался господин в котелке, чёрном пальто и с букетом цветов. Среднего роста, лет шестидесяти с небольшим, но заметным животом, круглолицый, с пышными усами.

Вслед за незнакомцем Клим Пантелеевич зашёл в здание вокзала, поражавшее своим величием. Наверное, если бы он оказался там впервые, или просто коротал бы свободное время, то наверняка бы любовался и величественным куполом, и потолочной лепниной, и причудливой росписью стен. Но любая красота становится не столь заметной, или, правильнее сказать, более обыденной, если она встречается ежедневно. Человек ко всему привыкает и постепенно перестаёт обращать внимание, что вокруг него высятся удивительные архитектурные сооружения, или живёт дивная, не тронутая цивилизацией природа, хотя писатели и поэты утверждают обратное. По их мнению, можно, например, каждый день ходить в море на рыбацкой шхуне и не уставать восхищаться волнами на рассвете. Возможно, они и правы. Только интересно, что думает об этом тот самый рыбак, уставший тянуть сети и едва размыкающий веки после штормовой бури на утлом судёнышке? До созерцания ли морских пейзажей ему? Вот и резидент, идущий на встречу с офицером военной разведки, в этот момент был совершенно безразличен к творениям архитектора Йозефа Фанты.

Широко выбрасывая вперёд трость, в свойственной ему манере, Клим Пантелеевич вышел на перрон. Встречающие нетерпеливо ожидали прибытие пражского экспресса.

Поезд «Прага – Оломоуц», точно боясь опоздать к конечной точке назначения, устало вкатился и, выбросив струю пара, остановился. Кондуктора, будто по команде, выпусти-

ли пассажиров.

Клим Пантелеевич дошагал до конца перрона и через небольшую калитку вновь вернулся на привокзальную площадь. Слежки не было. Впереди виднелась вывеска кафе под странным названием «U pošty» («У почты»). Там, за дальним столиком, его ждал Ветлугин. Встреча длилась не долго, и уже через четверть часа, Ардашев опять оказался на перроне у подземного перехода на вторую платформу. Прямо перед ним стояли две кареты скорой помощи. Рядом суетились санитары. С большой предосторожностью они пытались погрузить двое носилок, накрытых простынями. С первых свисала маленькая, уже начинающая синеть, женская рука, а по видневшимся подошвам туфель на вторых носилках нетрудно было догадаться, что они принадлежали мужчине.

Кондуктор нервно курил у вагона № 15. Затем из него показались люди в штатском и фотограф с треногой. Они что-то оживлённо обсуждали, пытаясь перекрычать шум мчащегося на второй путь поезда «Брно – Прага», и направлялись к санитарной машине.

Было ясно, что именно из «пятнадцатого» вагона и выгрузили эти два труп. Казалось, смерть парила над перроном, и только одинокая торговка цветами с довольным видом рассматривала в ведре букет с огромной хризантемой посередине.

Глава 2. Паук

Резидент Региструпра³ РККА в Центральной Европе в Прагу прибыл всего четыре месяца назад. Осмотрелся и сразу же начал действовать. Надо сказать, что человека с выпавшими на его долю похождениями мало что могло испугать, удивить или расстроить. И потому новый виток авантюры и приключений, как хороший коньяк или крепкий кофе, лишь бередил душу и поднимал азарт вечного игрока на новый, ещё неизведанный уровень.

Михаил Моисеевич Гиттельсон – коренной одессит и крепкошёрстный еврей. В 1905 году ему уже исполнилось двадцать. Для кого-то этот возраст – время поиска настоящей любви, юношеских исканий, а для Михаила – начало политической карьеры, потому что новоиспечённый третьекурсник физико-математического факультета Новороссийского университета нашёл занятие поинтересней. Он переехал в Петербург, где не только возглавил боевую дружину рабочих Охтинского порохового завода, но и вошёл в состав Петербургского комитета партии эсеров, а затем и в Петербургский совет рабочих депутатов, возглавляемый в ту пору Львом Троцким.

³ Региструпр РККА (Регистрационное управление) Полевого Штаба Реввоенсовета Республики (РСФСР) – военная разведка Рабоче-Крестьянской Красной армии в 1919 году. В 1921 году уже называлась Разведупром (Разведывательное управление).

И это в двадцать лет! Разве можно было представить, что ещё совсем недавно он был простым гимназистом 2-й Одесской мужской гимназии? Конечно, за доверие товарищей надо было платить, и уже в следующем году Гиттельсон попытался организовать покушение на барона Александра Кульбарса – командующего войсками Одесского военного округа, но теракт сорвался. Исполнитель оказался трусом и предателем. Слава Богу, он не знал, что за всем этим стоял Михаил. Недавнего студента, как подозреваемого в соучастии в подготовке теракта, задержали и заключили под стражу. Один допрос сменялся другим, но Миша прикинулся «овечкой», а доказательств того, что к планируемым покушениям причастен именно он, у судебного следователя не было. Ничего не поделаешь, закон есть закон, и стены тюремного замка расступились. Пришла свобода, а с нею и злость на тех, кто держал его в сырых и холодных казематах. Он продолжил борьбу с ненавистным царским режимом в Москве и занялся печатанием прокламаций. В 1908 году вновь попался и, уже как закоренелый политический преступник, отправился на четыре года в ссылку – в Туруханский край. Не досидев пять месяцев, он бежит в Китай, а оттуда – в Италию. И – надо же! – по поддельным документам умудряется поступить на химический факультет Неаполитанского университета, который заканчивает с отличием в 1915 году и продолжает учиться в магистратуре по специализации «Взрывчатые и отравляющие вещества». Он прекрасно владеет итальян-

ским, немецким, английским, французским и чешским языками, может собрать бомбу, практически, из ничего и приготовить яд даже из комнатных растений. А подделка документов? Выяснилось, что дипломированный магистр химии ещё и отличный художник. Свести печать или поставить новую – для него пара пустяков.

Своё тридцатидвухлетие Гиттельсон встретил в Петрограде. Шёл апрель 1917 года. И всего через полгода он попал в центральный аппарат партии эсеров. Казалось бы, живи и радуйся. Но нет. Михаил Моисеевич жаждет борьбы и власти. А главная помеха – большевики. Он развивает кипучую деятельность, надеясь, что партия левых социалистов-революционеров сумеет справиться с кровавым большевистским террором. И вот тут его арестовывают и бросают в Бутырку. Дважды выводят на расстрел и вновь возвращают в камеру. Забывают на месяц.

Однажды утром скрипнула дверь, и в застенок вошёл подтянутый офицер, по виду, из бывших, который и предложил порвать с эсерами и вступить в большевистскую партию. Он рисовал заманчивую перспективу новой интересной работы, к тому же высокооплачиваемой. Получалось, что идея борьбы оставалась почти та же, но за приверженность к ней платили неплохие деньги. Гиттельсон согласился. С этого самого времени он перешёл в подчинение к заместителю своего нового знакомого – Валентину Павловичу Полуянову – второму человеку в иерархии военной разведки РСФСР. «Что

ж, – рассуждал Михаил Моисеевич сразу после вербовки, – возможно, и прав был этот бывший штабс-капитан Императорской армии, а теперь начальник военной разведки РККА Семён Арабов, когда сказал, что я создан для агентурной работы. Как ни крути, а большевики сегодня в трудном положении. Весь капиталистический мир ошестинился против них. Да, безусловно, они жестоки, но эта беспощадность оправдывается трудностями военного времени. Несомненно, что после победы в Гражданской войне мы вновь вернёмся к тем ценностям, которые исповедовала партия левых эсеров. А случись поражение? Эти деникины, колчаки и юденичи перевешают на фонарных столбах всех, кто хоть немного сочувствовал коммунистам. Им уже будет всё равно: левый ты эсер или правый, или анархист. Выходит, у меня другого пути нет. Да и нужен ли он? Большевик так большевик... Не могут же они потом пустить под нож своих бывших соратников? Вместе же сидели в тюрьмах, жили в ссылках».

Михаил Моисеевич закончил составлять шифровку. Обработал бумагу особым раствором, написал на обратной стороне несколько безобидных предложений, сложил вдвое и сунул в почтовый конверт. Заклеил. Адрес указывать не стал. По инструкции это нужно сделать в самый последний момент перед тем, как бросить в почтовый ящик. А ещё лучше зайти на почту и попросить кого-нибудь надписать конверт, притворяясь, что забыл очки, или ушиб руку. Можно, конечно, набить буквы и на пишущей машинке, но тогда это

привлечёт внимание почтовых цензоров.

Сообщение в центр было безрадостным. Агент на встрече не явился. Странно. Он сам изъявил желание работать на молодую советскую республику. И пропал. Особенно ценным было его последнее сообщение. Ему удалось выяснить, что деникинский резидент ВСЮРа по Европе осел в Праге. Благодаря его донесениям, стало ясно, что белогвардейские эмиссары и бывший чехословацкий премьер Крамарж планируют широкую поддержку всему Белому движению. Наметилась, правда, одна тропинка – этому помогла недавняя полезная встреча, – но приведёт ли она к желаемой цели?

Перед Гиттельсоном Центр ставил слишком амбициозные задачи. Ему предстояло первым делом узнать, кто конкретно координирует действия агентов бывшего «Бюро для объединения деятельности различных органов Министерства иностранных дел по контрразведке России», где находится этот белогвардейский резидент, и каковы планы Чехословацкого правительства в отношении пленных русских солдат и офицеров.

Михаил вставил сигарету в янтарный мундштук, чиркнул спичкой и затянулся. «А всё-таки, хотел бы я знать, по какой причине Арабов придумал мне этот дурацкий псевдоним? Почему Паук? Почему не Скорпион?» – он усмехнулся и выпустил длинную струю дыма, разрезавшую полумрак комнаты на две части.

Прага уже зажгла вечерние огни. Казалось, и войны ни-

какой не было. Бежали авто и торопились извозчики. В старых домах, смотрящих столетиями своими глазами-окнами на мощные камнем улицы, появился свет, и шторы, словно веки, их тотчас же прикрыли.

Глава 3. Визитёр

Обычно ровно в девять, после непродолжительного завтрака, Клим Пантелеевич покидал квартиру и спускался по лестнице прямо в детективное агентство. Ардашев не изменял своим привычкам в одежде: тёмно-синий костюм, белоснежная сорочка с золотыми запонками и муаровым галстуком, туфли, начищенные до такой степени, что, как шутила его жена, в них отражались облака.

Помещение имело пять комнат. В первой, относительно небольшой, находился кабинет Ардашева. В ней был устроен камин. Небольшая дверь вела из кабинета в лабораторию – комнату с небольшим полукруглым окном почти под самым потолком. Вероятно, раньше она использовалась, как чулан. Микроскоп фирмы «Карл Цейс», спиртовка, колбы, химические стаканы, чашка Петри, аптечные весы и штатив с пробирками располагались на длинном столе, а короткий стол занимали: фотоувеличитель, фонарь, резак и прочие фотографические принадлежности. На полках размещались разного рода реактивы и баночки с непонятными порошкообразными составами всевозможных цветов. В третьей комнате работал помощник, а в четвёртой – приёмной – проходили встречи с посетителями. Иногда Ардашев принимал гостей и в кабинете. Всё зависело от его настроения. В пятой – сравнительно небольшой – варили кофе или чай. Этим за-

ведовала Мария. Тут же стояла её печатная машинка и параллельный, соединённый с кабинетом Ардашева, телефон. В свободное время, она, как правило, сидела и читала книгу.

Вацлав Войта приходил в агентство к восьми утра. Вот и на этот раз он уже был на месте.

– Доброе утро, шеф! – сыщик поднялся из-за стола и протянул руку Ардашеву.

– Доброе утро, дорогой друг! Какие новости?

– В приёмной ожидает некий господин. Вот, – он протянул визитную карточку. – Как видите, торговец одеждой. Пан Плечка. У него магазин на Круцембургской улице.

– Это тот, что на Виноградах?

– Да.

– Что ему нужно?

– Какое-то важное дело и ему потребуется наша помощь. Я ждал вас, чтобы начать. Он скучает и пьёт кофе, приготовленное нашей несравненной Марией.

– Что ж, тогда начнём.

Войта вышел.

Ардашев, бесшумно открыл дверцу шкафа и проник в небольшое пространство, которое имело задрапированную материей смотровую щель, позволяющую не только видеть, что происходит в приёмной, но и слышать. Внутри стоял стул. На нём Клим Пантелеевич и расположился.

– Простите, что заставил вас ждать, но было надобно срочно сделать несколько телефонных звонков, – извинился Вой-

та.

– Ничего страшного, сударь, я вас прекрасно понимаю. Моё одиночество скрасилось отменным кофе. Подобный я пробовал в Константинополе ещё до войны, когда ездил туда по торговым делам. В Праге кофеен хватает, но такой мне пить не доводилось. Неужто его готовит ваша очаровательная помощница? Кстати, как её зовут?

– Мария.

– Русская?

– Да.

– Теперь в Праге много эмигрантов из России. Что поделаешь? Гражданская война.

– Она освоила массу рецептов, кои ей поведал мой коллега – большой любитель этого напитка. Вот уж он точно знает уйму способов его приготовления! Но, думаю, пора перейти к вопросу, который, судя по вашему присутствию здесь, очень вас волнует. Итак, я внимательно слушаю.

– Дельце такое-с, матримониальное.

Мужчина вынул белоснежный платок, промокнул лоб, расправил густые усы, кашлянул в кулак и сказал:

– У меня пропала жена. И я хотел бы, чтобы вы помогли мне её отыскать.

– Простите, что значит «пропала»? Ушла из дома после ссоры? Или, быть может, вышла в магазин за покупками и не вернулась?

– Совсем нет. Видите ли, у нас имеется разница в воз-

расте. Мне в этом году будет шестьдесят два, а ей всего лишь двадцать семь. Дело в том, что я долго не мог найти настоящую спутницу жизни. На моём пути попадались не те, о ком я мечтал. Это мой третий брак. Божена – совсем другое дело. Она – райская птичка, нектар, глоток свежего воздуха... Но она часто болеет. Её здоровье всегда меня волновало, и я решил, что нам нужно вместе поехать в Брандис-над-Орлице отдохнуть в этом тихом месте и подлечить нервы. У меня, к несчастью, ещё и ревматизм, а там паровые ванны, водолечение. Оплатил на три недели двухместный номер в отеле. Только человек предполагает, а Господь располагает. Словом, мне пришлось отказаться от поездки. Заболел мой приказчик. Оставить магазин было не на кого. Боженка не хотела ехать одна, но я настоял. Надеялся, что Ярослав выздоровеет, и я приеду к ней. Но куда там! Он провалялся три недели с «испанкой» и чуть не умер... Она писала мне письма... Я звонил ей. «Три недели пролетели», как поётся в песне. Вчера я отправился её встречать на вокзал. Цветы купил. Всё ждал. Она не приехала. Потом пришёл второй поезд из Брно. Я подумал, что она могла выйти на станции и пропустить отправление своего поезда, а потом сесть на другой, что идёт из Брно до Праги. Но и на второй платформе её тоже не было. С досады отдал букет цветочнице и решил телефонировать в отель. Мне сказали, что она освободила номер и выехала на станцию. Прошли сутки, а её всё нет. Я очень переживаю и потому приехал к вам. Помогите, пожалуйста,

отыскать Божену.

– Но почему бы вам не обратиться в полицию? Они бы сделали это бесплатно, а так вам придётся оплачивать наши расходы.

– Я не хочу в полицию. Боюсь, они будут мучить меня вопросами о наших взаимоотношениях, а потом скажут, что день-два – слишком малый срок, а вот если она не появится через неделю, то только тогда они и займутся её поисками. Знаете, – он тяжело вздохнул, – а вдруг окажется, что она сбежала к другому? Что тогда? Какой позор падёт на мою седую голову! Нет уж, увольте.

Пан Плечка вынул из внутреннего кармана бумажник, отсчитал пять банкнот по сто крон каждая, положил на стол перед Войтой и осведомился:

– Хватит на первое время?

– Пока – да. Будем считать это авансом. Но после того, как мы отыщем вашу супругу, вам придётся заплатить ещё столько же и возместить командировочные расходы, которые, без сомнения, нам предстоят. Если вас устраивают такие условия, мы возьмёмся за дело.

– Вполне.

– Хорошо. А фотокарточку, вы, случаем, не прихватили? – поинтересовался Войта.

– Да-да. Вот, – пан Плечка протянул фото.

– А в какой конкретно гостинице в Брандис-над-Орлице она останавливалась?

– В «Саксонском дворе».

– Возможно, у нас возникнут новые вопросы, и тогда мы вас побеспокоим, – Войта поднялся, давая понять своему визави, что аудиенция закончена.

– Когда я смогу узнать о первых результатах? – вставая, поинтересовался торговец.

– Вероятно, в течение трёх дней у нас появятся первые сведения. Мы сразу же с вами свяжемся.

– Договорились.

– До свидания.

– Честь имею.

Проводив гостя и затворив за ним дверь, Войта вернулся к Ардашеву.

– Что скажете, шеф? Неплохо, да? Сумма-то приличная! – он выложил на стол пачку купюр. – И потом принесёт ещё столько же!

– Я весьма вами доволен. Вы провели беседу абсолютно верно. Вчера я видел этого Плечку на вокзале. Он действительно пришёл встречать жену. Даже цветы купил. И от досады, что она не приехала, отдал их торговке. Я заметил у неё тот же самый букет в розовой подарочной бумаге. Так что поезжайте в Брандис-над-Орлице.

– Когда?

– Прямо сейчас. Заодно отдохнёте и подышите свежим воздухом. Сутки-двое – вам хватит. Денег не жалейте. Возьмите столько, сколько сочтёте нужным. Выясните всю ин-

формацию об этой даме: как проводила время, с кем встречалась, куда ходила... А если выяснится, что у неё был воздыхатель – узнайте о нём, как можно больше.

– Что ж, – поднимаясь, сказал Вацлав, – не буду терять время.

– Послезавтра вечером жду вас с докладом. Удачной дороги!

– Благодарю.

Помощник удалился. Ардашев подошёл к окну. Мелькали автомобили и конные экипажи. Куда-то торопились люди. Ветер подобрал опавшие листья клёна и теперь забавлялся, гоняя их по тротуару.

Глава 4. Загадка

Пятидесятилетний Милош Яновиц богатырём не был, но и карликом не выглядел. Среднего роста, с почти кайзеровскими усами (разве что не так сильно закрученными, как у Вильгельма II), в галстуке и костюме тройке со слегка наметившимся животом, котелке и плаще производил весьма приятное первое впечатление. Дальше всё зависело от обстоятельств. К примеру, слабая половина человечества ему всегда симпатизировала – особенно сорокалетние вдовы, а сильная – разные там Лукаши, Томаши и Зденеки – его побаивались. Кто же знает, куда может завести «дружба» с полицейским инспектором? Хорошо если не в Пльзенский тюремный острог, а в ближайшую пивную. Кстати, в «Трёх дикарях» – любимом своём заведении – он мог легко опрокинуть за вечер пять кварт пива и выкурить две трубки.

Но сегодня с самого утра господин Яновиц был в неважном расположении духа. Он ходил по кабинету, сосал погасшую трубку и размышлял о бренности человеческого бытия. А всё из-за этих двух трупов, что были обнаружены вчера в вагоне № 15 экспресса «Прага – Оломоуц», прибывшего на пражский вокзал. Сложность в расследовании заключалась в том, что трудно было предположить, что же на самом деле произошло в пятом купе. Отсутствовала очевидная картина происшествия. «Тот бедолага ничем не выделялся, –

грустно размышлял инспектор. – Как все. Небольшие аккуратные усики. На вид ему не больше сорока. Рост сто семьдесят пять сантиметров. Глаза карие, волосы чёрные с лёгкой сединой на висках. Одет в тёмно-синий костюм, белую рубашку, тёмно-синий галстук. Чёрные туфли. В карманах лежала черепаховая расчёска с отломанным концом, билеты на поезд до Праги, коробка спичек, немецкие сигареты, носовой платок, конверт с неотправленным письмом короткого и вполне невинного содержания. Паспорт на некоего пана Йозефа Врабца. Жил в Праге на съёмной квартире в доходном доме. Проверили – никаких зацепок. Как в дактилоскопической, так и в антропометрической картотеке на него тоже ничего не нашлось. На пальцах не имелось даже следа от обручального кольца, поэтому надеяться, что его будет искать супруга и заявит в полицию – пустое дело. Был у него на безымянном пальце правой руки только золотой перстень. Покойный служил коммивояжёром фабрики «Франтишека Прохазки», недавнего поставщика императорского двора, занимавшейся производством мыла, духов и другой парфюмерии. Такие донжуаны знают, как найти подход к любой красавице и вскружить ей голову... А дамочка тоже хороша! В прямом и переносном смысле. Очаровательна, хотя и труп. Блондинка. Голубые глаза. Двадцать семь лет. Боже-на Плечка. Такие сводят нашего брата с ума. Живёт в Праге. Замужем. Но кем она приходилась этому мёртвому хлыщу? Скорее всего – любовница. А, может, они просто попут-

чики?.. Ничего нельзя исключать. Самое неприятное впереди: придётся телефонировать этому пану Плечке и сообщить о смерти жены. А почему я? Почему не следователь Мейзлик?» – здраво рассудил Яновиц, и в этот момент раздался стук в дверь. Она приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась очкастая, почти безусая, слегка длинноносая физиономия этого самого Мейзлика.

– Господин инспектор, я договорился, нам дадут автомобиль. Не хотите ли составить мне компанию и навестить нашего прозектора? Только что звонил ему. Он ждёт. Я был бы вам очень признателен, если бы мы поехали вместе. Вы человек опытный...

– Да, дорогой Лукаш. Едем, – с удовольствием откликнулся на лесть сыщик.

Полицейский снял с вешалки серый плащ, накинул его на руку и поспешил вслед за следователем.

Уже через полчаса инспектор Яновиц и следователь Мейзлик стучали в дверь кабинета доктора Гольдберга, который находился по соседству с анатомическим отделением местной больницы.

– Входите! – откликнулся прозектор, убрал перо и поднялся из-за стола. – Быстро вы, панове. Слава Богу, успел провести вскрытие. Вывод простой: и дама, и её спутник отравлены цианидом. Вернее сказать, их просто напичкали ядом. Признаться, никогда такого не приходилось встречать. Полные желудки отравы. Сложилось ощущение, что они пи-

ли смертельный напиток коньячными рюмками.

– Вы думаете, что злоумышленник раздавал цианид ложками, точно, сахар? – усмехнулся инспектор. – То, что они отравлены, я понял сразу, когда увидел вокруг их губ засохшую пену. Но и тогда, и сейчас меня смущает одно обстоятельство: как они приняли яд? Ведь его прежде надо было куда-то подмешать?

– Совершенно верно. К тому же, цианид не действует ментально, – в свою очередь усомнился следователь.

– Вот именно, – кивнул инспектор, – почему никто из них не вышел из купе? Не попросил помощи?

– Всё зависит от дозы. Если доза большая, то жертва теряет сознание и минут через десять-пятнадцать умирает. А если это два самоубийства? Такой вариант вы не рассматривали? – доктор сощурил правый глаз, точно прицеливаясь из ружья.

– Это версия не стоит и ломанного геллера! – воскликнул инспектор. – Они оба молоды, красивы и вдруг – на тебе! – решили отплыть в царство мёртвых! Не кажется ли вам это странным?

Прозектор пожал плечами:

– В жизни всякое бывает.

– Это да, – глядя под ноги, сокрушённо выдохнул следователь. – Помнится, читал я как-то в «Пражских вестях» одну заметку...

Но судебный медик прервал воспоминания Мейзлика:

– Хочу заметить, что строить умозаключения, излагать версии и предъявлять обвинения – ваша работа. Тут уж без меня.

Прозектор открыл ящик стола, вытащил печать и шлёпнул ею в угол листа, на котором только что писал.

– Извольте получить заключение о вскрытии. Простите, у меня много дел. Не смею вас задерживать.

– И всё-таки, вам придётся ещё немного потерпеть наше общество, – заявил инспектор. – С вашего позволения, пан следователь воспользуется этим телефоном и проинформирует мужа погибшей о происшествии. Мы дождёмся его, чтобы провести опознание. Надеюсь, вы не возражаете?

– Звоните, конечно. Просто я оставлю вас в кабинете, а сам уйду на вскрытие. Меня ожидают ещё три «весёлых» трупа. Напились и устроили поножовщину в ресторане. Порезали друг дружку до смерти. А с виду порядочные люди.

Доктор покинул помещение. После его ухода воцарилась неловкая тишина, нарушаемая лишь скрипом петель открытой форточки, борющейся с ветром.

– Простите, пан Яновиц, но я не знаю номера телефона мужа потерпевшей, – жалобно проскулил Мейзлик. – Может, лучше вы...

– Не беспокойтесь, дружище, вот, – сыщик протянул лист блокнота с цифрами. – Это магазин женской и мужской одежды на Виноградах. Попросите пана Плечку. «А всё-таки, я молодец, – самодовольно подумал инспектор, – ловко

заставил этого юнца выполнить столь неприятную миссию. Хотя, какой же он юнец? Ему уже лет двадцать пять».

Яновиц придвинул к себе заключение прозектора и принялся читать. Глаза бегали по строчкам, и невольно возник вопрос: «Как же так случилось, что в их желудкеях оказалось столько яда?».

Он раскурил трубку, вновь ушёл в свои мысли и уже не слышал ни дрожащего голоса следователя, ни скрипа форточки, ни клацанья телефонных рычагов после окончания разговора.

Глава 5. Тайное собрание

Никанор Евграфович Кисловский, высокий старик с седой окладистой бородой, в свои шестьдесят девять лет повидал многое. Ещё, будучи студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он организовал революционный кружок, был арестован и три месяца провёл в тюрьме. В 1874 году эмигрировал в США.

В штате Канзас основал земледельческую коммуну, но через четыре года вернулся в Европу. В Лондоне вместе с соратниками открыл «Фонд вольной русской прессы» и отправлял в Россию нелегальную литературу. Вступил в партию эсеров и участвовал в неудачной доставке оружия на английском пароходе «John Grafton». Затем, колесил по Америке, собирая деньги для закупки оружия и дальнейшей отправки в Россию. Ухитрился познакомиться с Марком Твеном. Дошёл до того, что в 1907 году отыскал в Соединённых Штатах некоего полковника Купера, участника гражданской войны в США, и вместе с ним пытался разжечь огонь партизанской войны против царя на Урале и в Пермской губернии. Но крестьяне смутьянов не только не поддержали, но и сдали полиции. Американцу удалось скрыться и нелегально переправиться обратно, а Кисловского арестовали при переходе границы. Этапом его отправили в столицу.

Сначала он содержался в Петропавловской крепости, а

потом и в Санкт-Петербургской одиночной тюрьме. Усилиями американских друзей сиделец был освобождён под залог в умопомрачительную сумму – пятьдесят тысяч рублей. И, как бы трудно не было представить, но, благодаря лучшим российским присяжным поверенным, в 1910 году Санкт-Петербургская судебная палата Никанора Евграфовича Кисловского оправдала.

В 1914 году его приняли в масонскую ложу «Восходящая звезда», входившую в организацию «Великий Восток Народов России». После Февральской революции он стал депутатом Всероссийского Учредительного собрания от Трудовой народно-социалистической партии.

Большевистский переворот 25 октября 1917 года Кисловский встретил враждебно и, как член «Всероссийского Комитета спасения Родины и революции», принял участие в борьбе с незаконными троцкистско-ленинскими воинскими формированиями, позже именуемыми Красной Армией.

В начале 1919 года Кисловский был послан за границу для организации финансовой помощи Белому движению.

После окончания собрания Ордена вольных каменщиков русской ложи «Северное сияние» (сегодня в её состав был принят очередной новый «ученик») в трапезной, за чаем, решались самые насущные вопросы жизни эмигрантской среды. Распределялась материальная помощь наиболее нуждающимся соотечественникам, изыскивались средства для открытия новых газет, русских школ и бесплатных столовых

для российских беженцев. Но главной целью чехословацкого отделения организации «Центр действия» был сбор средств для отправки в Россию, в штаб ВСЮР. Денег на фронте катастрофически не хватало, а помощь недавних союзников из широкой реки превратилась в почти пересохший ручеёк, потому и требовалось находить всё новые источники финансирования.

За длинным столом сидело одиннадцать человек. Посередине – Кисловский. По правую руку от него находился Владимир Трифионович Рапальский – официальный представитель правительства Колчака. Рядом – богатейший из русских эмигрантов, нефтепромышленник Абрам Осипович Кутасов; тут же – главный редактор чешско-русской газеты «Славянская заря» («Slovanska zora») Пётр Фёдорович Ефимов и бывший аптечный магнат из Самары Владимир Иванович Сухарев. Правый ряд замыкал бывший директор гимназии из Костромы Павел Емельянович Милосердов. По левую руку от председательствующего расположился член партии эсеров Изот Егорович Астраханский. Уныло разглядывал потолок писатель Аристарх Сергеевич Долинский; с ним соседствовал бывший помощник председателя правления «Русско-Балтийского судостроительного и механического акционерного общества» Владимир Константинович Агапов. Далее – бывший советник губернского правления Вятской губернии Антон Францевич Вельможко и, наконец, очень влиятельный в чешских правительственных кру-

гах бывший Председатель Топливного комитета Временного правительства, профессор Алексей Степанович Лошаков.

Открывая заседание, господин Кисловский, сказал:

– Братья, слово предоставляется Владимиру Трифоновичу Рапальскому.

– Господа, – к присутствующим обратился человек лет тридцати пяти, с короткой стрижкой, в пенсне и усталым, точно стариковским взглядом, – в Чехословакии на сегодняшний день насчитывается около пятнадцати тысяч плененных русских солдат и офицеров. Мы делаем всё, чтобы не только облегчить их жизнь, но и привлечь к борьбе против большевиков. Пока это не особенно удаётся. Наши пленные соотечественники устали от войны и мечтают вернуться домой. Мы поясняем им, что возвращение без освобождения страны от большевистского ига приведёт к трагедии. Красные попытаются их мобилизовать. И занять, так называемую, нейтральную позицию в Гражданской войне невозможно. Большевики, рано или поздно, уничтожат всех, кто честно служил российской империи и не перешёл на их сторону. К сожалению, наши усилия пока не приносят желаемого результата. Сформирована всего одна учебная офицерская рота из ста офицеров и двадцати восьми добровольцев. Я надеюсь, что она станет костяком нового воинского соединения.

– Когда она отправится на фронт? – осведомился Вельможко.

– По окончании формирования.

– Какая планируется численность всего соединения? – поинтересовался писатель Долинский.

– Начнём с полка. Если повезёт – наберём два-три. Количество бойцов сейчас трудно предсказать.

– А как они попадут в Россию? – спросил эсер Астраханский.

– Через Трансильванию. Специальным эшелонном через Румынское Королевство в Констанцу. Затем уже морем в Одессу.

– А оружие им, где выдадут? – не унимался Астраханский.

– И обмундирование, и винтовки, а также сухой паёк на время следования получают в Праге. – Рапальский повернулся к Кутасову и добавил: – Благодаря Абраму Осиповичу.

Взгляды устремились на нефтепромышленника. Тот благосклонно кивнул, провёл ладонью по гладкой, как серебряное блюдо, голове, но не проронил ни слова.

Тишину нарушил председательствующий:

– Как вам известно, Александр Фёдорович Керенский ведёт переговоры с правительством Франции о большом кредите для нужд Белой Армии. Но Париж медлит. Поэтому нам приходится делать всё возможное для оказания помощи нашим обескровленным воинам, ведущим непримиримую борьбу с большевистским игом. Братья, я должен посвятить вас в архитайну.

Кисловский окинул присутствующих внимательным взглядом и сказал:

– На днях мною оформлен кредит в банке «Славия». Ради его обеспечения пришлось расстаться с исторической реликвией, достоянием России – золотым крестом Безбородко. Волею случая он находился у меня на ответственном хранении, а теперь в залоге у банка «Славия». Не секрет, что жизнь каждого из нас подвергается риску. Агенты Коминтерна и ВЧК наводнили Прагу. Потому прошу вас, если со мной что-то случится, не допустить попадания в руки большевиков кредитного договора с банком «Славия». Фактически, в нём указываются источники финансирования Белого движения в России и его поддержки за рубежом. Понимаю, что держать эти документы в моей съёмной квартире или здесь – верх безрассудства и потому они покоятся в тридцать третьей ячейке банка «Славия». Там же, в банке, хранится и названный крест, но в соседнем сейфе под номером тридцать четыре. Итак, скоро я ожидаю получение солидного транша. Это будет самая большая финансовая помощь из Праги Антону Ивановичу Деникину. На этом считаю наше собрание закрытым. Доброго всем здоровья, любезные братья!

Глава 6. Фляжка с «Амаретто»

Утром пан Плечка вновь пришёл в детективное агентство. К тому моменту Войта ещё не вернулся из Брандис-над-Орлице.

Торговец сидел перед Климом Пантелеевичем, потел от волнения и рассказывал о своём посещении морга. Бывший адвокат слушал его внимательно и не перебивал. Дождавшись, когда визитёр закончит монолог, Ардашев сказал:

– Я понимаю, через что вам пришлось пройти. Потеря близкого человека – трагедия. И выдержать её достойно, не каждому по силам. Простите меня, за мой чешский, я его ещё не до конца освоил...

– Вы говорите почти без акцента.

– Пытаюсь учиться.

– Ещё до войны, я знал одного русского. Он женился на чешке. Так вот первое время он не мог понять, почему рубрика на последней странице в «Пражских вестях» называлась: «Pozor, policie varuje!». Я объяснил, что это переводится, как «Осторожно, полиция предупреждает!». Но на русском языке эта фраза звучит совсем иначе.

– Правильно ли понимаю, что вы хотите забрать деньги?

– Как вы догадались?

– Я прочёл в газетах, что ваша жена найдена мёртвой в купе поезда «Прага – Оломоуц». Отсюда не трудно понять

причину вашего визита.

– Да. Божена нашлась, но лучше бы и не находилась. Тогда у меня хотя бы оставалась надежда на её возвращение.

– Примите мои искренние соболезнования.

– Вы очень любезны. Знаете, я понятия не имею, кто этот господин, который ехал с ней в купе...

– В газетах написали – это некто Йозеф Врабец. Родственников просили откликнуться для проведения опознания.

– Одного понять не могу, почему они оба отравлены? Полиция пока ничего толком не может сказать, кроме того, что яд находился во фляжке с ликёром «Амаретто». Кое-что осталось на самом дне. Говорят, они и кофе пили. Мне сообщили, что, скорее всего, хотели отравить её попутчика, подсыпали яд, а выпили вместе.

– Фляжка могла принадлежать вашей жене? – осведомился Ардашев.

– Да, это её. Серебряная. Мой подарок. Инспектор мне её так не отдал. Сказал, что её вернёт суд, только после приговора убийце. А где этот убийца? Когда его отыщут?

– Скажите, а какие алкогольные напитки предпочитала ваша супруга?

Коммерсант пожал плечами, задумался на мгновение и ответил:

– Сухое вино, шампанское.

– А «Амаретто»?

– Нет, при мне никогда не пила.

Негоциант замолчал на секунду, вздохнул и продолжил:

– Странно всё это и неприятно. Сегодня в газете я прочёл грязные намёки, мол, замужня дама веселилась в купе с незнакомцем. Откуда им знать, веселилась она или нет? «Пражский телеграф» уже вышел с моей фотографией. Эти репортёры, проныры, сумели меня сфотографировать во время посещения полицейского участка. Я уже ходил к адвокату, и он готов подать на них в суд.

– О да. Они такие.

– Я ведь заранее выкупил всё купе туда и обратно. Возвращаться она должна была одна. Откуда взялся этот Врабец? – вздохнул Плечка.

– А больше вас в полиции ни о чём не спрашивали?

– Как же... Демонстрировали мне какой-то носовой платок тёмного цвета... Да ну их!

– А что с платком?

– Так ведь он мужской был. При чём здесь Божена? Ох, и пахло от него, простите...

– Пахло?

– Да запах непонятный какой-то... аптекарский. Я ещё подумал, что мертвец этот, наверное, провизором был или доктором.

Клим Пантелеевич едва слышно вымолвил:

– Провизором, говорите? Странно.

– Странностей хватает, – Плечка потёр в задумчивости нос и добавил: – Попутчик моей жены, как какой-то нище-

брод, таскал в кармане поломанную расчёску, представляете?

– А откуда вам это известно?

– Так инспектор показывал. Судя по одежде и золотому перстню, не бедный был человек. Мог бы и новую купить. Видать, скряга.

– У него был перстень?

– Печатка. С чёрным агатом. Я обратил на него внимание, когда полицейский спрашивал, не знаком ли мне почерк, которым было написано письмо. Я сказал, что впервые вижу.

– Какое письмо?

– У этого господина нашли конверт. А в нём полулист почтовой бумаги. И там несколько строк. Только конверт был без марки и адреса. То, что без марки, ещё можно понять – купить не успел, а вот, что без адреса – неясно. Мы же обычно адрес сразу надписываем, а марку, чтобы не испортить, клеим в последнюю очередь. А тут ни марки, ни адреса.

– Интересные вещи вы рассказываете.

Плечка пожал плечами и проронил грустно:

– Да нет здесь ничего интересного. Горе одно.

– Искренне вам соболезную.

– Спасибо. Простите, но у меня мало времени... Похоронные заботы. Я бы хотел насчёт денег...

– Не беспокойтесь. Одну секунду.

Ардашев поднялся, вышел в другую комнату и вскоре вернулся с конвертом.

– Здесь пятьсот ваших крон. Можете пересчитать.

– В этом нет надобности. И ещё. Я принёс вашему коллеге фотографию Божены. Она мне очень дорога. Не могли бы вы мне её отдать?

– Видите ли, пан Войта в командировке. По возвращении он вернёт вам фото. Можете не сомневаться.

– Благодарю. Да, чуть не забыл. Я сказал полиции, что сначала обратился в ваше агентство. Надеюсь, вам это не навредит?

– Ни в коей мере.

– Что ж, тогда позвольте откланяться.

– Честь имею.

Клим Пантелеевич проводил гостя и воротился в кабинет. Он выбрал из коробочки синий леденец берлинго и положил его под язык.

Послышались шаги, и в дверях показался Войта.

– Ух! И устал же я! – произнёс на выдохе сыщик и упал в кресло.

– С приездом, мой друг! А разве вы были не на курорте?

– Издеваетесь, шеф? Откровенно говоря, набегался как гончая. Там народу – тьма тьмушкая. И все гуляют, пьют... и не только микстуры. Опросил персонал отеля, кельнеров⁴ пяти ресторанов, двух кафе и даже уличных торговцев. Показывал её фотографическую карточку. Похоже, эта Божена наставляла мужу рога. Оказывается, в отеле она познако-

⁴ Кельнер (нем.) – официант, слуга в Чехии, Германии, Австрии (прим. авт.).

милась с каким-то Иозефом Врабцом. Красавец, говорят, лет около сорока. Везде ходили под ручку, как муж и жена. Можно сказать, я отыскал шерстяную нитку на прядильной фабрике. Видно с ним эта пташка и упорхнула. Только вопрос – куда?

Ардашев дважды нажал на кнопку электрического звонка, соединяющего его с кухней. Два звонка означало – две чашки кофе.

– Вы читаете мои мысли, – улыбнулся Войта.

– А не упоминал ли кто, что при ней была небольшая миниатюрная фляжка?

– Как же! Одна «столовая дева» жаловалась, что в ресторане она пила как раз из фляжки, вместо того, чтобы заказать спиртное. Это, как вы понимаете, не приветствуется. Ей сделали замечание. Она оскорбилась, и они покинули тот ресторан... Было там и ещё одно происшествие. В один из дней в фойе отеля Божену дожидался молодой человек с букетом. Он не знал, что она была со своим кавалером. И когда они вышли, он направился к ней. Этот Врабец парня осадил. Тот возмутился и швырнул цветы на пол. Получился скандал. Пани Плечка отвела юнца в сторону и строго отчитала. Портъё сказал, что создалось впечатление, будто юный воздыхатель служит у пани Плечки, либо её родственник, а может, и зависит от неё, потому что он поднял букет, извинился перед Врабцом и отдал цветы Божене, а сам спешно удалился. А Божена, судя по всему, приличная стерва. Она хохотала

вслед опозоренному Ромео... Кстати, я заметил, как из наших дверей выходил пан Плечка. Надеюсь, Божена не вернулась? И нам не придётся возвращать ему деньги?

– Она ехала в Прагу в одном купе с Йозефом Врабцем.

– Не хотела с ним расставаться?

– Похоже на то.

Войта бросил на кофейный столик фотографию Божены Плечки и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.